

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Лактанций

Опубликовано:

Христианское чтение. 1892. № 9-10. С. 438-467.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

ЛАКТАНЦІЙ.

(Біографическій очеркъ).

(Продолженіе) ¹⁾.

Нѣтъ точныхъ историческихъ данныхъ относительно многихъ пунктовъ въ жизни Лактанція. Нѣтъ, въ частности, прямыхъ, исполнѣ рѣшительныхъ и безспорныхъ указаній у Лактанція и у другихъ писателей на то, какой вѣры были его родители. Существуетъ мнѣніе, что родители Лактанція были язычники и что онъ самъ въ послѣдствіи перемѣнилъ религію, въ которой былъ воспитанъ. Это мнѣніе основываютъ на трехъ мѣстахъ въ сочиненіяхъ Лактанція ²⁾. Въ первомъ мѣстѣ авторъ, замѣтивши, что онъ достигъ конца предпринятаго имъ труда, продолжаетъ: „остается обратиться ко всѣмъ съ увѣщаніемъ—вмѣстѣ съ истинною вѣрою усвоить себѣ и мудрость, значеніе и дѣйствіе которой заключается въ томъ, чтобы, пренебрегши земными благами, отречься отъ заблужденій, во власти которыхъ мы прежде находились, служа тлѣнному и стремясь къ тлѣнному, мы устремлялись бы къ вѣчной наградѣ небеснаго сокровища“. Во второмъ мѣстѣ Лактанцій говорить: „что іудеи лишены наслѣдія, такъ какъ отвергли Христа, и мы, происходящіе изъ язычниковъ, приняты вмѣсто ихъ, — это подтверждается Писаніемъ“. Въ третьемъ мѣстѣ: „Третья ступень

¹⁾ См. янв.—февр. кн. «Хр. Чт.» (I, 103—130).

²⁾ Div. Instit. VII, 27, 1 (Migne, VI, 818 B), Div. Inst. Epit. cap. 48 [по счету у Migne] или 43 [по счету у Brandt, I, 721—722], (Migne VI, 1056A) и De ira Dei cap. 2 (Migne VII, 82A).

(ведущая въ жилище истины) состоитъ въ томъ, чтобы познать Слугу и Вѣстника, Котораго Онъ (Всевышній) послалъ на землю, подъ руководствомъ Котораго, освободившись отъ узъ заблужденія, которыми мы были одержимы, и научившись почитать истиннаго Бога, мы познавали бы правду¹⁾. Конечно, въ приведенныхъ словахъ, если взять ихъ въ контекстѣ, а не отрывочно, говоритъ Лактанцій не о себѣ лично, а вообще объ язычникахъ, о всемъ языческомъ мірѣ, который пребывалъ въ сѣни смертной и который призванъ вмѣсто отвергнутыхъ іудеевъ²⁾. Едва ли есть какія либо основанія думать, что въ числѣ этихъ прежнихъ язычниковъ непремѣнно мыслилъ Лактанцій лично и самого себя³⁾. Указаннымъ образомъ могъ выразиться и сынъ христіанскихъ родителей, имѣя въ виду своихъ предковъ. И однако не изъ одного лишь „уваженія къ традиціонному мнѣнію“³⁾ можно допускать, что Лактанцій былъ когда-то язычникомъ, и признавать по меньшей мѣрѣ крайне поспѣшнымъ мнѣніе Ле-Нурри, къ которому склоняется и Бертольдъ, что въ сочиненіяхъ Лактанція нельзя найти ни одного слова, изъ котораго можно было бы заключить, что онъ принадлежалъ нѣкогда къ языщикамъ.

¹⁾ Къ вопросу о томъ, какъ понимать приведенныя слова Л., сравн. выраженіе въ D. Inst. IV, 26, 22 (Migne VI, 528A): *nos autem etc.* Здѣсь Л. также говоритъ не о себѣ, но о всѣхъ христіанахъ.

²⁾ Доказывая, что въ приведенныхъ словахъ Лактанцій не могъ разумѣть себя, Бертольдъ (S. 6) замѣчаетъ, что въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ Лактанцію приходится упоминать о себѣ, онъ никогда не говоритъ о себѣ во множественномъ числѣ. Это основаніе нужно устранить. Бертольдъ допустилъ здѣсь двѣ неточности. 1) Число мѣстъ, гдѣ Л. говоритъ о себѣ, не мало. 2) Л. выражается о себѣ и во множественномъ числѣ. Онъ говоритъ и въ единственномъ числѣ, напримѣръ: *circumscribo* въ D. Inst. I, 1, 25 (Migne, VI, 119A), *non putavi*—I, 2, 1 (M. VI, 120A). Но онъ же въ длинномъ рядѣ мѣстъ выражается въ формѣ множественнаго числа, напримѣръ: *multum nobis contulit*—въ D. Inst., I, 1, 10 (M. VI, 114B), *nobis instituitur disputatio* I, 1, 10 (M. VI, 115A), *persequemur, loquemur, sopiamus* I, 1, 12 (M. VI, 116A), *aggrediamur* I, 1, 17 (M. VI, 117B), *destinavimus* и друг. въ I, 1, 20 (M. VI, 118AB) и ин. др. Римляне вообще нерѣдко говорили о себѣ во множ. числѣ и, избѣгая выражаться такимъ образомъ, Л. представлялъ бы исключеніе.

³⁾ Сравн. Bertold, 6.

По другому взгляду ¹⁾, который может быть названъ правильнымъ, о язычествѣ родителей Лактанція и о томъ, что и сынъ ихъ росъ язычникомъ, свидѣлствуютъ пренебрежительныя сужденія, которыя онъ впослѣдствіи, уже ставши христіаниномъ, дѣлалъ о своей прежней дѣятельности на риторской кафедрѣ ²⁾. Относящееся сюда мѣсто содержитъ противоположеніе трудовъ Лактанція, посвященныхъ разъясненію истинной мудрости и истинной религіи, и его прежней риторской дѣятельности. Говоря объ этихъ трудахъ въ христіанскій періодъ своей жизни, Лактанцій говоритъ: „Это занятіе (*professio*) должно признать гораздо лучшимъ, полезнѣйшимъ, славнѣйшимъ, чѣмъ ту профессію ритора, которой мы долго предавались, научая юношей не добродѣтели, но хитрости и изворотливости“ ³⁾. Отсюда еще пока не видно съ совершенной ясностью, что Лактанцій—риторъ былъ язычникъ, потому что онъ, въ качествѣ ритора, исполняя обязанности ритора обычнымъ образомъ, могъ *non ad virtutem, sed plane ad argutam malitiam iuvenes erudire* и въ томъ случаѣ, если бы былъ христіаниномъ: метода, которой слѣдовали риторы, и приемы, которыхъ они держались, были установлены практикою и имѣли для риторовъ въ извѣстномъ смыслѣ обязательную силу. Этимъ методамъ и приемамъ приходилось слѣдовать и риторамъ изъ христіанъ ⁴⁾. Съ большей ясностью открывается прежнее язычество Лактанція въ непосредственно слѣдующихъ за приведенными словами его: „ибо, продолжаетъ онъ, мы теперь гораздо вѣрнѣе будемъ разсуждать о небесныхъ правилахъ, руководясь которыми можемъ научить людей почитать истинное величіе (Божіе)“ ⁵⁾. Затѣмъ, при предположеніи

¹⁾ Overlach, 2; Brandt, Ueber das Leben d. L., 15.

²⁾ D. Inst. I, 1, 8. Overlach цитуетъ еще Div. Inst. V, 1 и De orif. D., с. 1. Но двѣ послѣднія цитаты выставлены, кажется, по недосмотру.

³⁾ D. Inst. I, 1, 8 (M. VI, 114A).

⁴⁾ Слѣдовалъ имъ, вѣроятно, и Л., преподававшій риторику и тогда, когда былъ уже христіаниномъ. См. классическое мѣсто въ D. Inst. V, 2, 2sq. (M. VI, 552—553). Л. едва ли выразился бы такъ, какъ онъ выражался здѣсь, если бы не былъ въ эту пору христіаниномъ.

⁵⁾ D. Inst. I, 1, 8 (M. VI, 114A).

происхожденія Лактанція отъ родителей-язычниковъ и при мысли о томъ, что и самъ онъ былъ язычникомъ сначала, понятнѣе становится и тотъ фактъ, что Лактанцій сталъ учиться у Арнобія, который тогда оставался еще въ язычествѣ ¹⁾). Но, конечно, изъ того, что Лактанцій посѣщалъ школу язычника Арнобія, еще не слѣдуетъ съ необходимостью, что и самъ онъ вмѣстѣ съ родителями былъ язычникомъ. Сидоній Аполлинарій происходилъ изъ семьи, уже долго бывшей христіанскою, и однако онъ получилъ образованіе, имѣвшее совсѣмъ ²⁾ или, по крайней мѣрѣ, преимущественно ³⁾ языческій характеръ. Мать Августина была христіанка и самъ онъ съ дѣтства находился подъ христіанскимъ вліяніемъ матери, и однако и онъ получилъ языческое образованіе ⁴⁾).

Вполнѣ рѣшительное, по мнѣнію Брандта ⁵⁾), свидѣтельство въ пользу того, что Лактанцій не былъ христіаниномъ съ юныхъ лѣтъ, но уже въ позднѣйшіе годы обратился отъ старой вѣры къ новой, заключается, какъ читаемъ у Брандта, въ одномъ мѣстѣ у Августина, на которое доселѣ не обращалось вниманія, именно въ его *De doctrina christiana* II, 61 (III pars I, p. 42 F. Maur.). Здѣсь выражена мысль, что христіане безъ всякихъ сомнѣній могутъ пользоваться всѣмъ, что даетъ хорошаго языческая литература, и затѣмъ аллегорически въ этомъ именно смыслѣ толкуется разсказъ книги Исходъ XI, 2, XII, 35, по которому израильтяне, при выходѣ изъ Египта, взяли у египтянъ и унесли съ собой зо-

¹⁾ Overlach, 2; Brandt, Ueber d. L. d. L., 15; Leuillier, 5.

²⁾ Ebert, по 2 изд., 419.

³⁾ Избр. мѣста изъ лат. хр. писат., 467.

⁴⁾ Ebert, 212 сл. Теперь въ школахъ нашего прибалтійскаго православнаго братства обучаются по мѣстамъ, притомъ иногда въ большомъ числѣ, и католики, и лютеране, и сектанты, и раскольники. Этихъ учениковъ приводитъ въ православныя школы главнымъ образомъ отсутствіе въ данной мѣстности другихъ училищъ, не имѣющихъ того вполнѣ опредѣленно выраженаго конфессіональнаго характера, какой имѣютъ братскія и подобныя школы, хотя, конечно, у такихъ учениковъ можетъ быть доброе чувство къ православнымъ. И Лактанцій съ своими родителями могъ питать хорошія чувства къ Арнобію, не смотря на язычество послѣдняго и будучи самъ христіаниномъ.

⁵⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 15.

лотыя и серебряныя сосуды и платья, хотя, какъ замѣчаетъ нѣмецкій изслѣдователь, образъ здѣсь не вполне подходитъ къ проводимой писателемъ мысли. Затѣмъ у Августина говорится: *nonne aspicimus quanto auro et argento et veste suffarcinatus exierit de Aegypto Cyprianus doctor suauissimus et martyr beatissimus? quanto Lactantius, quanto Victorinus, Optatus, Hilarius..?* ¹⁾). Приведенное мѣсто позволяетъ съ увѣренностью заключить, что Августинъ считалъ названныхъ лицъ людьми, которые уже впослѣдствіи перешли въ христіанство изъ язычества и которые получали свое образованіе, еще оставаясь въ язычествѣ. Относительно Кипріяна и Иларія это извѣстно; касательно Оптата Милевскаго, о жизни котораго ничего неизвѣстно, узнаемъ объ этомъ изъ приведеннаго мѣста, также какъ относительно Викторина, подъ которымъ очевидно нужно разумѣть Викторина Петавійскаго (*Petabionensis*) ²⁾; относительно же Лактанція здѣсь подтверждается то, что по другимъ основаніямъ оказывается наиболѣе вѣроятнымъ, ³⁾). Это указаніе, безспорно, довольно вѣско, такъ какъ нѣкоторыя выраженія въ контекстѣ у Августина (срав. *de societate gentilium exiens* и затѣмъ *ab eorum misera societate sese animo separat* ⁴⁾), дѣйствительно, повидимому, свидѣлствуютъ о томъ, что Августинъ въ приведенномъ выше мѣстѣ имѣлъ въ виду говорить не только вообще объ усвоеніи упомянутыми писателями всего хорошаго, что могла дать языческая литература, но и о томъ, что это усвоеніе совершилось въ языческой періодъ ихъ жизни. Однако съ полной рѣшительностью утверждать, что у Августина была послѣдняя мысль, препятствуетъ сдѣланная Августиномъ вслѣдъ затѣмъ ссылка на Моисея. Почти вслѣдъ за вышеприведенными словами Августинъ

¹⁾ Все это мѣсто, съ упоминаніемъ Августина и его сочиненія, какъ замѣчено у Брандта въ примѣчаніи на той же страницѣ, повторяетъ Кассиодоръ, въ *De institutione divinarum litterarum* (II, p. 554 ed. Garret); онъ, присоединяетъ (къ указаннымъ именамъ) еще Амвросія, Августина и Іеронима.

²⁾ T. e. in Pettau in Steiermark, по T.-Schw., § 385, A. 6.

³⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 15—16.

⁴⁾ По изданію *Augustini De doct. chr. etc.*, rec. Georgius Calixtus. Helmaestadi. 1829. pag. 149—150.

замѣчаетъ: Quod prior ipse fidelissimus dei famulus Moyses fecerat, de quo scriptum est, quod eruditus fuerit omni sapientia Aegyptiorum ¹⁾). Моисей же въ Египтѣ усвоилъ лишь мудрость египтянъ, оставаясь чуждъ вѣрѣ ихъ. Не лишне замѣтить, что Кассіодоръ, приводя вышеуказанныя слова Августина, хотѣлъ лишь, какъ видно изъ контекста, выразить мысль объ усвоеніи христіанами полезныхъ знаній изъ области языческой литературы и совсѣмъ не имѣлъ въ виду говорить о томъ, что эти христіане были когда-то язычники, и, слѣдовательно, словамъ Августина усвоилъ не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой придаетъ имъ Брандтъ. Наконецъ и то не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что приведенное свидѣтельство объ Опатѣ и Викторинѣ, по признанію самого Брандта, есть единственное свидѣтельство.

Затѣмъ на сочиненіяхъ Лактанція лежитъ отпечатокъ такого сильнаго, глубокаго и многосторонняго вліянія классической древности, что это вліяніе нужно представлять продолжавшимся долго. Лактанцій, по справедливому замѣчанію Брандта, гораздо увѣреннѣе говоритъ о вопросахъ древней философіи, чѣмъ о предметахъ христіанскаго ученія, и сочиненія римлянъ ему гораздо извѣстнѣе, чѣмъ Библія. Человѣкъ же, который до такой степени погруженъ въ языческую старину, какъ Лактанцій, не могъ быть христіаниномъ отъ рожденія ²⁾). О томъ, что Лактанцій долго былъ язычникомъ, свидѣлствуетъ и то, что онъ иногда какъ бы забываетъ, что говоритъ и что долженъ говорить въ качествѣ христіанина. Самая его способность становиться всецѣло на точку зрѣнія язычниковъ свидѣлствуетъ объ этомъ. Онъ даже забываетъ замѣчать хотя бы мимоходомъ, къ свѣдѣнію читателей, что онъ говоритъ именно съ языческой точки зрѣнія ³⁾).

Подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ послѣдовалъ, наконецъ,

¹⁾ Цитата сдѣлана по вышеуказанному изданію.

²⁾ Brandt, Ueber d. L., 16.

³⁾ Трудно было христіанину оставлять прежній привычный ходъ мысленія и отставать отъ прежнихъ понятій и отъ прежняго способа ихъ выраженія, какъ трудно было вообще повиноваться старымъ языческимъ обычаямъ и порядкамъ.

переломъ въ религіозныхъ взглядахъ Лактанція: онъ перешелъ въ христіанство. Отреченію Лактанція отъ прежней вѣры могло способствовать изученіе самого язычества и въ частности языческой философіи. Извѣстно, что и блаж. Августину первый толчокъ къ обращенію въ христіанство далъ Цицероновъ „Гортензій“. Тѣмъ же, въ сущности, путемъ пришелъ къ христіанству Иларій: онъ ревностно стремился къ истинѣ и искалъ Бога, напрасно обращаясь за удовлетвореніемъ потребностей своего духа къ древнимъ философамъ и, лишь обратившись къ священнымъ книгамъ христіанъ, нашелъ здѣсь то, чего искалъ. Таже неудовлетворенность языческою философіею могла привести ко Христу и Лактанція, о чемъ позволяютъ заключать его разсужденія о языческой философіи въ началѣ его главнаго литературнаго труда. Но таже философія, кромѣ указаннаго чисто отрицательнаго вліянія, могла имѣть на Лактанція и вліяніе положительное, причемъ пунктомъ соприкосновенія язычества съ христіанствомъ и вмѣстѣ исходнымъ пунктомъ для Лактанція при его переходѣ отъ старой вѣры къ новой могли быть стоическія ученія о единствѣ божественнаго существа и о провидѣніи, которыя являются „основоположеніями его философскаго и богословскаго мышленія“¹⁾. Привлекало Лактанція къ христіанству и нравственное ученіе христіанское, поразительная вѣрность христіанскихъ мучениковъ исповѣдуемой ими вѣрѣ и вообще все, чѣмъ такъ сильно отличались древніе христіане отъ своихъ прежнихъ собратій по религіи.

Существуетъ мнѣніе, что Лактанцій обратился въ христіанство еще въ Африкѣ, которая такимъ образомъ была его родиной, если не въ физическомъ, то въ духовномъ смыслѣ, — мѣстомъ, гдѣ онъ возродился духовно. При такомъ представленіи дѣла время обращенія Лактанція въ христіанство падало бы на ранній періодъ его жизни. Другіе относятъ переходъ Лактанція въ христіанство къ позднѣйшему времени его жизни. При этомъ признается или болѣе чѣмъ вѣроятнымъ²⁾ или даже прямо несомнѣннымъ³⁾, что

¹⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 26.

²⁾ Overlach, 2.

³⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 26.

обращеніе Лактанція послѣдовало уже по переѣздѣ его на жителство въ Никомидію, хотя подготовлено было раньше ¹⁾). Лактанцій, зная, чего ждали отъ него въ Никомидіи, не могъ, будучи христіаниномъ, отправиться туда изъ Африки, чтобы взять на себя дѣло преподаванія, которое его христіанскому сознанію представлялось преподаваніемъ недоброкачественной въ нравственномъ отношеніи діалектики и дѣйствительно служило, по его собственнымъ словамъ, лишь для того, чтобы приучить учениковъ къ болтовнѣ, хотя бы и безсодержательной ²⁾), — соображеніе правдоподобное, особенно если разсматривать его въ связи съ другими біографическими данными о Лактанціѣ, хотя и не исключающее нѣкоторыхъ недоумѣній ³⁾). Въ частности, обращеніе Лактанція съ большою вѣроятностью относится ко времени предшествовавшему началу Діоклетіанова гоненія ⁴⁾). Но объ этомъ будетъ рѣчь дальше.

О характерѣ религіозныхъ взглядовъ Лактанція во время пребыванія его въ Африкѣ, какъ и объ обстоятельствахъ и условіяхъ его жизни тамъ имѣется вообще мало вполне надежныхъ свѣдѣній. Для характеристики этихъ взглядовъ могли бы дать матеріалъ и на всю вообще духовную жизнь писателя за указанное время могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ приписывавшіяся Лактанцію и относимыя нѣкоторыми къ этой именно порѣ его жизни стихотворенія, извѣстныя подъ заглавіями *Aenigmata* и *De Phoenice*, если бы было доказано, что первое изъ означенныхъ стихотвореній дѣйстви-

¹⁾ Brandt, въ Ueber d. Entstehungsverh. d. Prosaschr. d. L., 131, допускаетъ, что Лактанцій, еще въ бытность въ Африкѣ, schon in mancherlei Berührungen mit dem Christenthum, das ja gerade in Africa so tiefe und weitgehende Wurzeln geschlagen hatte, gekommen war, vielleicht auch schon eine gewisse Hinneigung zu demselben empfand.

²⁾ Overlach, 2.

³⁾ Оверлахъ, высказавши вышеприведенную мысль, продолжаетъ: Dagegen ist es wohl denkbar, dass er nach erfolgter Bekehrung nicht so fort ein Amt förmlich niederlegte, das... bei den Wenigen, die seine Unterweisung verlangten, möglicher Weise eine christliche Lösung seiner Aufgabe zuließ. Пусть такъ. Но почему не могъ Лактанцій думать объ einer christliche Lösung предстоявшей ему задачи, еще находясь въ Африкѣ, если предположить его обращеніе въ христіанство въ Африкѣ?

⁴⁾ Brandt, l. c., 26. Ebert, 73. Справ. Bähr, Suppl.—B., II, 72.

тельно принадлежить Лактанцію, а второе относится именно къ указанному періоду его жизни.

Лактанцій, несомнѣнно, раздѣлялъ общую склонность къ стихотворству, особенно развившуюся въ императорскій періодъ римской исторіи, когда даже проза приняла отчасти поэтическій колоритъ. Въ сочиненіяхъ его приведено замѣчательно много стиховъ, изъ чего можно заключать, что у него было дѣйствительное внутреннее тяготѣніе къ поэзіи съ ея размѣренной рѣчью, развитое, быть можетъ, его занятіями поэтическими произведеніями въ періодъ школьнаго ученія. Лактанцій и самъ писалъ стихи. Къ числу этихъ его стихотвореній былъ относимъ и приводимый Іеронимомъ на первомъ мѣстѣ въ его перечнѣ Лактанціевыхъ сочиненій *Symposium, quod*—по словамъ Іеронима—*adolescentulus scripsit Africae*, но о которомъ, къ сожалѣнію, никакихъ частнѣйшихъ свѣдѣній у Іеронима, какъ и у другихъ писателей, не сообщается. Со временъ Геймана (Heumann) ¹⁾ разными изслѣдователями ²⁾ многократно за это именно произведеніе Лактанція были признаваемы тѣ сто загадокъ (состоящихъ каждая изъ трехстишія съ предпосланнымъ общимъ прологомъ въ семнадцать стихахъ), которыя обыкновенно издавались въ сборникахъ сочиненій Лактанція ³⁾ и которыя еще и раньше приписывались Лактанцію ⁴⁾. Но

¹⁾ Мнѣніе о томъ, съ какимъ стихотвореніемъ слѣдуетъ отождествлять это *Symposium*, было выражено и доказываемо Гейманомъ въ предисловіи къ его ганноверскому изданію 1722 г.

²⁾ См. Bähr, I, 710, Anm. 19; Suppl.-B., I, 22. Къ названному здѣсь Гейману (Heumann), Шрекку (Schröck), Саксе (Saxe, о которомъ см. Bähr, S.-B., I, 16), нужно присоединить Бертольда (Bertold, 22). См. еще *praefatio*, въ *Centum aenigmata vetera etc.*, rec. Heynatz, 1775.

³⁾ Напримѣръ у Migne, VII, 289 sqq.; у Fritzsche II, 298, у Büchmann, 1490 sqq.

⁴⁾ У Teuffel-Schwabe § 449, A. 1, S. 1152 приведена eine Glosse im cod. Cassin. 90 s. X, о которой замѣчено: Aus jener Glosse (а также, кажется, отчасти и изъ Randbemerkung im Palat.—Vatic. 1753 s. IX, въ связи съ указаніями у Teuffel-Schwabe, *ibid.*) ergibt sich... dass man schon früh diese 100 Rätsel dem Lactanz beilegte, indem man sie für dessen Symposium ansah. Такимъ образомъ, мысль о принадлежности разсматриваемыхъ стиховъ Лактанцію появилась и выражена была гораздо раньше Геймана.

въ болѣе новое время этотъ взглядъ признанъ не имѣющимъ для себя твердаго основанія. Въ самое же послѣднее время подвергается, и не безъ основанія, сомнѣнію и то, можно ли считать *Symposium* Лактанція стихотвореніемъ ¹⁾. Что касается стихотворенія *De Phoenice*, то его принадлежность Лактанцію можетъ быть признана доказанною послѣ посвященныхъ этому предмету новыхъ изслѣдованій ²⁾, но составленіе стихотворенія въ языческой періодъ жизни Лактанція нужно, кажется, признать сомнительнымъ ³⁾.

Такимъ образомъ, несомнѣнно одно, что въ бытность Лактанція въ Африкѣ былъ составленъ имъ какой-то *Symposium*. Тогда же, быть можетъ, написалъ онъ и свое (давно, къ сожалѣнію, утраченное) сочиненіе о грамматикѣ, подъ названіемъ *Grammaticus*, о которомъ упоминаетъ Іеронимъ въ своемъ перечнѣ сочиненій Лактанція ⁴⁾: при мысли о появленіи Лактанціева сочиненія съ

¹⁾ Brandt въ *Ueber d. Entstehungsverhältnisse d. Prosaschr. d. L.*, 129—130 развиваетъ и отчасти обосновываетъ оригинальную мысль, что *Symposium* Лактанція — прозаическое произведеніе, представлявшее, въ формѣ застольной бесѣды, изложеніе какихъ либо ученыхъ, напимѣръ грамматическихъ, вопросовъ, или одного такого вопроса.

²⁾ Новѣйшее изслѣдованіе по этому предмету принадлежитъ Löbe въ *Jahrbücher für protestantische Theologie*, XVIII Jahrgang, I Heft (ausgeg. im December 1891), с. 34—65. Сравни. нѣкоторые соображенія въ указанной брошюрѣ Брандта, стр. 132.

³⁾ Вопросъ этотъ доселѣ остается спорнымъ: посвященными ему спеціальными изслѣдованіями лишь сдѣланъ наклонъ къ разрѣшенію его въ томъ смыслѣ, что стихотвореніе *De Phoenice* написано Лактанціемъ уже по обращеніи въ христіанство, — но не болѣе того. Брандта эти изслѣдованія совсѣмъ не убѣдили, и онъ остается при мысли, что Л. написалъ его in seiner früheren Zeit und ehe er sich mit Entschiedenheit für das Christenthum erklärt hatte. Основанія такого мнѣнія кратко указалъ онъ въ упомянутомъ въ предш. примѣч. изслѣдованіи, на стр. 131—132, общая коснуться разсматриваемаго стихотворенія въ особой статьѣ въ *Rhein. Museum*.

⁴⁾ Начало этого перечня (*Habemus eius Symposium, quod adolescentulus scripsit Africae, et 'Οδοιπορικόν de Africa usque Nicomediam, hexametris scriptum versibus, et alium librum qui inscribitur Grammaticus etc.*) располагаетъ къ мысли, что Іеронимъ, составляя его, какъ будто имѣлъ въ виду хронологическую послѣдовательность, въ которой появлялись сочиненія Лактанція. Если бы у Іеронима дѣйствительно была эта точка зрѣнія, тогда выходило бы, повидимому, что, по нему, *Grammaticus* былъ написанъ Лактанціемъ уже не въ Африкѣ. (Такъ, должно

такимъ содержаніемъ именно въ это время лучше объясняется послѣдовавшая вскорѣ перемена въ судьбѣ Лактанція. Объ общемъ содержаніи сочиненія можно только догадываться на основаніи его заглавія и относимой къ нему одной маленькой цитаты ¹⁾.

Ничто не мѣшаетъ предполагать, что написанныя Лактанціемъ въ Африкѣ сочиненія, вмѣстѣ съ его—какъ есть основанія думать—успѣшными преподавательскими занятіями ²⁾ доставили ему нѣкоторую извѣстность. Повидимому, молва о немъ перешла даже предѣлы Африки, такъ что императоръ Діоклетіанъ, хотѣвшій придать своей новой столицѣ и резиденціи Никоидіи блескъ во всѣхъ

быть, разсуждалъ Nic. Lenglet. Срав. относящіяся сюда его сужденія въ М. VI, 70D). Но вторая половина перечня, гдѣ сочиненія, о времени составленія которыхъ имѣются нѣкоторые свѣдѣнія, поставлены не въ порядкѣ ихъ появленія, располагаетъ къ мысли, что Иеронимъ, составляя списокъ Л. сочиненій, или не держался хронологической точки зрѣнія (такъ судитъ Brandt, въ Ueber d. Entstehungsverh. Prosaschr. d. L., 124) или же ея не выдержалъ. Но, очевидно, и въ случаѣ вѣрности второй половины дилеммы, указанное мѣсто у Иеронима не можетъ имѣть значенія вѣснаго свидѣтельства. — Что касается изслѣдователей, то одни изъ нихъ совсѣмъ не высказываются по этому предмету и не ставятъ даже вопроса о времени появленія Grammaticus (Bertold, 24). другіе высказываются неопредѣленно (напр. Overlach, s. 2, который впрочемъ, если судить по контексту, въ которомъ стоитъ его замѣчаніе о Grammaticus, готовъ больше склониться къ мысли о составленіи Лактанціемъ этого сочиненія въ языческой періодъ жизни и именно въ Африкѣ, чѣмъ къ противоположному мнѣнію). Брандтъ полагаетъ, что соч. Grammaticus «могло быть юношеской работой Лактанція, какъ его Symposium и описаніе путешествія изъ Африки въ Никоидію». Кромѣ того онъ замѣчаетъ, что это сочиненіе ни въ какомъ случаѣ не падаетъ на конецъ учительской дѣятельности Лактанція (Ueber d. L. d. L., 23). Въ томъ же, въ сущности, смыслѣ, т. е. довольно неопредѣленно, высказывается Брандтъ и въ позднѣе вышедшемъ своемъ изслѣдованіи Ueber die Entstehungsverhältnisse d. Prosaschriften d. Lactantius, на стр. 124 (отдѣльнаго изданія).

¹⁾ По довольно вѣроятной догадкѣ, выраженной у T.-Schwabe, § 397, A. 2, s. 998, auf den Grammaticus bezieht sich wohl Grammat. lat. ex rec. H. Keilii 6, 209, 11 nostra quoque memoria Lactantius de metris «pentameter» inquit et «tetrameter».

²⁾ Jedenfalls, справедливо замѣчаетъ Брандтъ, hatte er (Lactanz) schon vorher (до послѣдовавшаго потомъ приглашенія въ Никоидію) in Africa die Thätigkeit als Lehrer ausgeübt (Ueber d. L. d. L., 22). Брандтъ, впрочемъ, не доказываетъ этого—конечно, правдоподобнаго—предположенія.

отношеніяхъ ¹⁾ и, вѣроятно, раздѣлявшій желаніе римлянъ, чтобы латинскій языкъ распространялся по всей имперіи ²⁾, пригласилъ сюда, вѣстѣ съ грамматикомъ Флавіемъ, Лактанція въ качествѣ учителя латинскаго краснорѣчія ³⁾. Это было приблизительно около 290 года. Предпринятое Лактанціемъ, вслѣдствіе этого пригла-

¹⁾ Bertold, 6—7; Brandt, 22.

²⁾ Сравн. комм. у Migne VI, 552D.

³⁾ Возможно предположеніе: не рекомендовалъ ли Лактанція на это мѣсто самъ Арнобій? Къ Арнобію могли обратиться за рекомендаціей, какъ ритору извѣстному въ ту пору (сравн. слова Іеронима о немъ) и притомъ имѣвшему, какъ можно не совѣмъ безъ основанія думать въ виду греческаго происхожденія его имени (см. T.-Schwabe, § 391. A. 1), греческое происхожденіе. [Въ Totius latinitatis onomasticon, opera et studio Vinc. de-Vit lucubratum, s. v. Arnobius, сказано: Nomen virile, incertae originis, probabilis Punicae, quum in Africa primum hoc nomen reperiatur usurpatum, Graece Ἀρνοβίος]. Рекомендація со стороны такого лица, какъ Арнобій, могла быть, при указанныхъ обстоятельствахъ особенно цѣнна и важна, такъ какъ дѣло шло о риторѣ для греческаго города. Въ качествѣ оснований для приглашенія Лактанція могли служить и достоинства уже составленныхъ имъ къ этому времени произведеній, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что онъ владѣлъ латинскою рѣчью во всемъ ея разнообразіи и со всѣмъ богатствомъ ея формъ; а это служило не малой рекомендаціей для человѣка, приглашаемаго на должность латинскаго ритора. Брандтъ (Ueber d. L. d. L., 22, A. 2) говоритъ: es ist nicht zu begründende Ausmalung, wenn Möhler, Patrologie (1840) s. 917 von dem Symposium sagt, dass es die Aufmerksamkeit Diocletians auf Lactanz gelenkt und seine Berufung zum Lehrer der Rhetorik nach Nicomedien veranlasst habe; ebenso Nirschl, Patrologie I (1881) s. 368. Но Брандтъ при этомъ не позаботился обосновать и свой отзывъ. Поэтому остается вполне правдоподобнымъ и удобоприемлемымъ изложенное выше мнѣніе о томъ, что и Symposium и другія сочиненія Лактанція, которыя онъ, вѣроятно, написалъ въ Африкѣ, могли служить нѣкоторымъ основаніемъ для приглашенія его въ Никоидію. Однимъ изъ оснований къ этому могли также быть и познанія Лактанція въ греческомъ языкѣ, въ ту пору предполагавшіяся у каждаго образованнаго человѣка (сравн. по этому предмету между прочимъ замѣчанія о Симмахѣ въ Berl. ph. Wochenschr. 1892, № 3, Sp. 80—81). Не по гречески ли было написано Лактанціемъ и его стихотвореніе Ὀδοπορικόν, гдѣ онъ описалъ свою поѣзду на востокъ? Безъ этого предположенія было бы трудно объяснить, почему Іеронимъ этому стихотворенію далъ греческое заглавіе. Сравн. также основанныя на фактическихъ данныхъ соображенія о вліяніи африканскаго элемента въ римской имперіи — въ статьѣ Юнга (J. Jung) Zu Tertullians auswärtigen Beziehungen въ Wiener Studien, XIII Jahrgang 1891, Zweites Heft, s. 230 ff.

шенія, путешествіе въ Никомидію, онъ, какъ сообщено у Іеронима, описалъ гекзаметрами въ стихотвореніи 'Оδοιπορικόν, которое, къ сожалѣнію, утрачено. Весьма возможно, что мысль объ этомъ описаніи подали Лактанцію сдѣланныя Луциліемъ и Гораціемъ въ стихахъ, и именно гекзаметрахъ, описанія ихъ путешествій на югъ Италиі, а также и другія подобныя стихотворныя произведенія, существовавшія въ извѣстной Лактанцію латинской литературѣ ¹⁾. Упомянутыя описанія Лактанцій имѣлъ, разумѣется, случай узнать при чтеніи всѣхъ вообще произведеній Луцилія и Горація, съ которыми, какъ показываютъ сочиненія его, онъ былъ хорошо знакомъ. Быть можетъ, Луциліево и Гораціево, какъ и другія подобныя описанія послужили отчасти, въ какомъ либо отношеніи, даже и образцами для Лактанція въ его описаніи собственной поѣздки.

Преподаваніемъ риторики, начатымъ, повидимому, въ Африкѣ и продолженнымъ въ Никомидіи, послѣ переезда туда, Лактанцій, по его собственнымъ словамъ, занимался долго ²⁾. Какъ смотрѣлъ Лактанцій на эти свои занятія и цѣнилъ ли ихъ въ то время, когда предавался имъ, мы не знаемъ, но впослѣдствіи, сдѣлавшись христіаниномъ и, по обстоятельствамъ, прекративши преподавательскую дѣятельность, онъ выражалъ мысль, что, руководя въ качествѣ ротора занятіями юношей, онъ имѣлъ въ виду не воспитаніе ихъ для добродѣтели, но упражненіе ихъ въ изворотливости и софистикѣ ³⁾. Будучи риторомъ, т. е. преподавателемъ теоріи ораторскаго искусства, и, упражняя своихъ слушателей въ составленіи и произношеніи рѣчей на разныя темы, самъ Лактанцій не выступалъ въ качествѣ оратора и даже, по его мнѣнію, по всей вѣроятности, преувеличенно скромному, не обладалъ и настоящимъ краснорѣчіемъ. Однажды онъ выразилъ мысль, что хотя онъ, въ виду своихъ преподавательскихъ занятій, и старался приобрѣсти умѣнье говорить рѣчи ⁴⁾, однако ораторомъ никогда не былъ, такъ

¹⁾ Bahr. I, 476 f.

²⁾ Въ Divin. Instit. I, 1, 8 (Migne, VI, 114A) говоритъ онъ о professio ... oratoria, in qua diu versati.

³⁾ Divin. Instit., I. c. (M. VI, 114A); сравн. комментарий въ M. VI, 885.

⁴⁾ Стоящее здѣсь въ изданіи Миня (M. VI, 385B) discendi пред-

какъ и на форумѣ никогда не выступалъ¹⁾. Лактанцій однако въ другое время признавалъ, что упражненія его учениковъ въ рѣчахъ и въ веденіи фиктивныхъ процессовъ, которыми руководилъ и въ которыхъ онъ, такимъ образомъ, необходимо долженъ былъ принимать болѣе или менѣе дѣятельное и живое участіе, принесли и ему самому большую пользу²⁾. Лактанцій прямо не говоритъ, въ чемъ заключалась эта польза, но изъ нѣкоторыхъ замѣчаній его видно, что приобрѣлъ онъ, благодаря означеннымъ упражненіямъ. Онъ именно научился говорить ясно и изящно и вообще сдѣлался до извѣстной степени краснорѣчивымъ, по его собственному признанію на этотъ разъ³⁾.

Весьма возможно, что преподавательская дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не наполняла всего времени Лактанція. Преподавательское вліяніе Лактанція, начавшись въ школѣ, могло простирались и за ея предѣлы. Дѣйствительно, связь, завязавшаяся между учителемъ и учениками въ школѣ, не прерывалась за ея порогомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ начало сочиненія *De orificio Dei*, адресованнаго къ одному изъ бывшихъ слушателей Лактанція Деметріану, послѣ обращенія Лактанція въ христіанство⁴⁾. Невольно является мысль: не ко времени ли именно преподавательской дѣятельности Лактанція въ Никомидіи относятся и его (не сохранившіяся, къ сожалѣнію) письма къ Пробу, быть можетъ тоже

ставляетъ одну изъ немалочисленныхъ опечатокъ этого изданія. Въ текстѣ у Брандта стоятъ *dicendi* (*Div. Inst.* III, 13, 12).

¹⁾ *Div. Inst.* III, 13, 12 (M. VI, 385B).

²⁾ *Div. Inst.* I, 1, 10 (M. VI, 114B).

³⁾ Это признаніе выражено, хотя и не прямо, и слышится въ сочетаніи фразъ: *Multum tamen nobis exercitatio illa fictarum litium contulit, ut nunc maiore copia et facultate dicendi causam veritatis pereremus*, и затѣмъ: *quae licet possit sine eloquentia defendi, ut est a multis saepe defensa, tamen claritate ac nitore sermonis illustranda et quodam modo disserenda est, ut potentius in animos influat et vi sua instructa et luce orationis ornata.*

⁴⁾ Къ нему же, по Іерониму, были адресованы еще двѣ книги писемъ. Къ числу тѣхъ же учениковъ Лактанція, по догадкѣ Брандта, быть можетъ, принадлежалъ и *Asclepiades noster*, который, по *Inst.* VII, 4, 17, посвятилъ Лактанцію сочиненіе о провидѣніи и самъ получилъ отъ него двѣ книги писемъ (*Brandt, Ueb. d. L. d. L.*, 26).

прежнему ученику Лактанція, одинаково съ Деметріаномъ, и не находились ли эти письма въ какой либо связи именно съ преподавательскими занятіями Лактанція? О содержаніи упомянутых писемъ можно судить по нѣкоторымъ дѣлаемымъ на нихъ ссылкамъ ¹⁾, изъ которыхъ видно, что эти письма касались не только вопросовъ чисто ученыхъ, но и тѣхъ, которые разсматривались въ школахъ. Не естественнѣе ли всего относить появленіе этихъ писемъ именно ко времени преподавательской дѣятельности Лактанція, притомъ не къ ея началу, когда Лактанцій жилъ еще въ Африкѣ, а къ той порѣ, когда онъ переехалъ уже въ Малую Азію и занимался здѣсь преподаваніемъ, а также и связанными съ нимъ изслѣдованіями въ ученой области? Письма эти относятся нѣкоторыми къ языческому періоду жизни Лактанція, и если это предположеніе вѣрно, то всего удобнѣе признать ихъ написанными именно въ то время, когда Лактанцій занимался преподаваніемъ въ Никомидіи, но не былъ еще христіаниномъ ²⁾.

¹⁾ Teuffel-Schwabe, § 397, A. 2, S. 998: Die Briefe ad Probum stammen vielleicht noch aus der vorchristlichen Zeit des Lact. und behandelten (vorzugsweise) Gegenstände aus dem Gebiete der Gelehrsamkeit: Rufin, Gramm. lat. ex rec. Keilii, 6, 564: Firmianus ad Probum de metris comoediarum sic dicit etc. Hieron. comm. in ep. ad Gal. (opp. ed. Vall. 7, 1, 426): Lactantii nostri quae in tertio ad Probum volumine de hac gente (Galatae) opinatus sit verba ponemus.

²⁾ N. Lenglet, выразивши мысль, что Epistolae ad Severum a Lactantio editas fuisse, dum in Gallia morabatur, продолжаетъ: Eadem porro dicerem de libris quatuor Epistolarum ad Probum, cujus nomen non Asiaticum, sed Romanum est, vel forte Gallicum. Ad eum enim in Gentis gratiam atque laudem Lactantius his in Epistolis de Gallis praeclara quaedam profert. testante S. Hieronymo (Proem. lib. II, in Epist. ad Galatas). «Galli, inquit Lactantius, a candore corporis Galatae nuncupantur, et Sibylla sic eos appellat. Quod significare voluit poeta, cum ait: «Tum lactea colla auro innectuntur», cum posset dicere «candida». Hinc utique Galatia provincia, in quam Galli aliquando venientes, cum Graecis se miscuerunt; unde primum ea regio Gallo Graecia, post Galatia nominata est». Haec tamen, non diffiteor ipse, levior est conjectura; verum ab aliis certiora melioraque sunt exspectanda (Migne, VI, 74AB). Брандтъ въ брошюрѣ Ueber das Leben des Lactanz, на стр. 23, замѣчаетъ, что vier Bücher (ad Probum) sind, wie wir noch zeigen werden, sehr möglicher Weise... nach 314 verfasst, и затѣмъ, на стр. 40, касаясь позднѣйшаго періода жизни Лактанція, говоритъ: auf den Aufenthalt in Gallien weist vielleicht auch die Erklärung der Namen

По словамъ Иеронима, преподавательская дѣятельность Лактанція успѣха не имѣла, вслѣдствіе того, что Никоидія была городъ греческій и учениковъ у Лактанція поэтому должно было набраться мало, такъ что Лактанцій оказался вынужденнымъ обратиться къ

Gallier und Galater, die Hieronymus im Commentar zum Galaterbrief, in der Vorrede des zweiten Buches (tom. VII, 425. Vall.) aus dem dritten Buche von Lactanz' Briefen an Probus mittheilt. Но указанное объясненіе могъ Лактанцій сдѣлать и находясь въ Малой Азіи, къ которой принадлежала Галатія. Въ позднѣе вышедшемъ изслѣдованіи своемъ Ueber d. Entstehungsverh. d. Prosaschr. d. L., (стр. 124—126 отдѣльнаго изданія), тотъ же ученый признаетъ «очень вѣроятнымъ», что Лактанцій писалъ эти письма уже тогда, когда былъ христіаниномъ. Основаніемъ для такого мнѣнія Брандта служить извѣстное заявленіе Дамаса въ письмѣ къ Иерониму. Вотъ слова Дамаса: fateor quippe tibi, eos quos mihi iam pridem Lactantii dederas libros, ideo non libenter lego, quia plurimae epistulae eius usque ad mille spatia versuum tenduntur et raro de nostro dogmate disputant: quo fit, ut et legenti fastidium generet longitudo, et si qua brevia sunt, scholasticis magis sunt apta quam nobis, de metris et regionum situ et philosophis disputantia. По всей вѣроятности, полагаетъ Брандтъ, Дамасъ получилъ отъ Иеронима только извѣстныя, а не всѣ книги писемъ Лактанція, и въ этихъ книгахъ велась рѣчь съ одной стороны о христіанскихъ догматахъ, съ другой—о вопросахъ свѣтскихъ наукъ, о метрихъ, географіи, философіи; но, продолжаетъ этотъ изслѣдователь, письма къ Пробу несомнѣнно занимались метрикой, а на географическія разсужденія въ нихъ указываютъ слова Иеронима о происхожденіи Галатовъ; отсюда, заключаетъ онъ, мы вправѣ сдѣлать предположеніе, что Дамасъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ именно о письмахъ Проба и что эти письма относятся къ христіанскому періоду жизни Лактанція (Brandt, Ueber die Entstehungsverh. d. Prosaschr. d. L. 125—126). Выводъ явно поспѣшный, для котораго нѣтъ достаточныхъ основаній въ послышкахъ. Этотъ выводъ можно было бы признать правильнымъ въ томъ лишь случаѣ, если бы Лактанцій оставилъ послѣ себя письма *только* къ Пробу, и больше ни къ кому. Нѣсколько дальше Брандтъ говоритъ: «Противъ этого предположенія не можетъ говорить то, что въ этихъ письмахъ удѣляется вниманіе, и притомъ въ значительной мѣрѣ, и свѣтскимъ наукамъ. Легко допустить, что Лактанцій въ позднѣйшіе годы своей жизни, когда время борьбы для христіанской церкви миновало, вновь обратился къ тѣмъ наукамъ, которыя въ его юности и въ дохристіанскій періодъ жизни составляли его духовный міръ. Притомъ и въ Institutiones и въ книгѣ De ira dei нерѣдко переходитъ онъ на языческую почву (auf profane Gebiete hinübergreift), конечно—въ интересахъ предлагаемыхъ ему задачъ (allerdings im Interesse der vorliegenden Aufgaben)» (стр. 126). Но въ этихъ-то «интересахъ предлагаемыхъ Лактанцію задачъ» и заключается сущность дѣла въ данномъ вопросѣ.

иному роду занятій. *Penuria discipulorum*, говоритъ Іеронимъ, ob Graecam videlicet civitatem ad scribendum se contulit. Мысль Іеронима принималась довольно многими изслѣдователями, при чемъ была дополняема нѣкоторыми частнѣйшими соображеніями. Оверлахъ писалъ: „греческій городъ представлялъ учителю латинскаго краснорѣчія мало возможности выполнять свое призваніе, и такимъ образомъ онъ (Л.) обратился преимущественно къ литературной дѣятельности“ ¹⁾. Бэръ, дополняя приведенныя слова Іеронима его замѣчаніемъ (относящимся однако, повидимому, къ позднѣйшему времени жизни Лактанція) въ хроникѣ, уже говоритъ, что Лактанцій „по недостатку учениковъ въ совершенно греческомъ городѣ крайне обѣдѣвши и терпя нужду въ самомъ необходимомъ, былъ вынужденъ предаться литературной дѣятельности“ ²⁾. Бертольдъ, который тоже принималъ объясненіе Іеронима, дополнялъ его еще новыми соображеніями. Въ виду обстоятельствъ, среди которыхъ приходилось Лактанцію отправлять свою должность, онъ находилъ совершенно естественнымъ, что Лактанцій, не въ такой степени владѣвшій греческимъ языкомъ, чтобы имѣть возможность угождать вкусу своихъ слушателей хорошо построенными рѣчами, былъ похожъ на растеніе, которое никогда не можетъ вполне развиться, если удалить его съ родной почвы. Лактанцій, не обладавшій, подобно греческимъ риторамъ, умѣньемъ сыпать цвѣтистыми фразами и остротами, которыя такъ нравились тогдашнимъ грекамъ, видѣлъ, что его аудиторія посѣщается слабѣе и слабѣе. Въ виду этого и вслѣдствіе скудости своихъ матеріальныхъ средствъ, онъ занялся литературою ³⁾.

Соображенія, представленныя названными изслѣдователями въ видѣ какъ бы поясненія указаній Іеронима, возбуждаютъ не мало недоумѣній. Прежде всего представляется, какъ справедливо указалъ Брандтъ ⁴⁾, маловѣроятною малочисленность учениковъ у латинскаго рителя въ императорской резиденціи и столицѣ востока,

¹⁾ Overlach, 2.

²⁾ Bähr, S.-B., II, 72—73.

³⁾ Bertold, 7.

⁴⁾ Brandt, Ueb. d. L. d. L., 23—24.

гдѣ латинскій языкъ былъ языкомъ официальнымъ ¹⁾). Но если даже допустить эту малочисленность, то все же нужно признать по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ заключеніе отъ малочисленности учениковъ Лактанція къ бѣдности его матеріальныхъ средствъ для жизни. Признавъ вѣрнымъ это заключеніе, пришлось бы допустить, что, приглашая Лактанція въ Никомидію, Діоклетіанъ ничѣмъ не обезпечилъ его содержанія. Но это представляется невѣроятнымъ ²⁾). Допустить, что Діоклетіанъ, приглашая Лактанція въ Никомидію, не подумалъ о томъ, чѣмъ онъ будетъ тамъ жить, еще труднѣе, чѣмъ признать, что не были приняты мѣры къ тому, чтобы, какъ замѣтилъ Брандтъ, „официально приглашенный императорскій риторъ былъ предохраненъ отъ опасности говорить предъ пустыми скамьями“ ³⁾). Сомнительно и то, какъ замѣчено тѣмъ же изслѣдователемъ, что „такой мастеръ языка, такой ученый, такой живой... умъ ...не былъ въ состояніи приковать вниманіе аудиторіи“ ⁴⁾). Что касается объясненія указанной неудачи Лактанція его не вполне достаточнымъ знаніемъ греческаго языка, то это объясненіе можетъ держаться лишь при томъ предположеніи, что Лактанцій преподавалъ по гречески ⁵⁾). Но это предположеніе является ни на чемъ въ сущности не осно-

¹⁾ См. подробности у Brandt, Ueber d. L. d. L., 23—24. На стр. 23 Брандтъ, указавши приведенныя слова Іеронима, говоритъ: Der Missstand eines überwiegend aus Griechen bestehenden Auditoriums bestand in Nicomedien ja immer und hätte Lactanz schon längst und von Anfang an in seiner Thätigkeit als Lehrer hemmen müssen. Соображеніе не особенно убѣдительно: Лактанцій могъ сначала мириться съ указаннымъ обстоятельствомъ и выжидать; но потомъ, увѣрившись, что дѣла не поправляются, онъ могъ рѣшить все бросить. Вообще, при согласіи съ Брандтомъ въ главномъ, нельзя признать убѣдительными нѣкоторыхъ его частныхъ соображеній.

²⁾ См. о содержаніи риторовъ и нѣкоторыхъ другихъ преподавателей у Bähr I, 95 слл., 104 слл. Сравн. о терминѣ professio, встрѣчающемся у Лактанція въ D. Inst. I, 1, 8 (M. VI, 114A), Bähr, I, 95.

³⁾ На послѣдній пунктъ обращаетъ вниманіе Брандтъ въ Ueber d. L. d. L., 24.

⁴⁾ Brandt, 24.

⁵⁾ Кромѣ Бертольда, и Jansen, буквально по разсматриваемому вопросу повторяющій Бертольда (срав. стр. 7 у Bertold и 9 у Jansen), также, повидимому, думаетъ, что Лактанцій велъ преподаваніе на греческомъ языкѣ.

ванной догадкой. Преподавать Лактанцію уроки латинскаго краснорѣчія на греческомъ языкѣ не было никакой надобности, что однако не уменьшаетъ вѣроятности предположенія, что Лактанцій владѣлъ греческимъ языкомъ, хотя разумѣется и не такъ, какъ природный грекъ: знаніе греческаго языка Лактанціемъ можно предполагать уже потому, что это былъ разговорный языкъ въ Никоидіи. Конечно, безусловно отвергать рѣшительное Іеронимова указаніе на малочисленность учениковъ, какъ на побужденіе для Лактанція отдаться болѣе производительной, именно литературной дѣятельности, было бы рискованно: Іеронимъ — свидѣтель на столько древній и свѣдущій въ этой области, что оставлять безъ всякаго вниманія его рѣшительное показаніе ¹⁾ можно лишь по неподлежащимъ никакому сомнѣнію основаніямъ, чего нѣтъ въ данномъ случаѣ. Но, по степени правдоподобія, объясненіе Іеронима представляется менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ ссылка на потерю Лактанціемъ своего учительскаго мѣста на основаніи эдикта 24 февраля 303 года ²⁾, которая должна была послѣдовать съ началомъ гоненій на христіанъ и при которой время Лактанція оставалось ничѣмъ не занятымъ ³⁾.

О побужденіяхъ для Лактанція заниматься литературными трудами говоритъ и самъ Лактанцій, и изъ словъ его можно заключать, что, предаваясь этимъ трудамъ, онъ руководился желаніемъ высказаться предъ своими новыми единовѣрцами-христіанами (такъ какъ къ этому времени Лактанцій уже обратился въ христіанство), въ виду особенныхъ обстоятельствъ времени, и по мѣрѣ своихъ силъ помочь христіанамъ въ ихъ трудномъ положеніи.

То было время начавшихся гоненій противъ нихъ. Но, кромѣ физической силы и насилія, язычество противопоставило тогда христіанству иного рода силу въ видѣ литературныхъ произведеній, направленныхъ къ защитѣ язычества и опроверженію христіанства. Объ этомъ говоритъ и самъ Лактанцій. „Въ то время, рассказы-

¹⁾ Іеронимъ предположительно объясняетъ («videlicet») собственно только принимаемую имъ малочисленность учениковъ Лактанція. Сравни. Brandt, Ueb. d. L. d. L., 24—25.

²⁾ См. Brandt, Ueber d. L. d. L., 25. 28.

³⁾ Раскрытіе этого объясненія см. у Brandt, l. c., 25 и ок.

ваетъ онъ, когда преподавалъ я въ Виеннѣ риторикѣ и когда былъ (тамъ) разрушенъ храмъ Божій, явились тамъ же два чело-вѣка, поносившіе низвергнутую и отвергнутую истину. Не знаю, чего у нихъ было больше: надменности или наглости. Одинъ изъ нихъ выдавалъ себя за учителя философіи; но онъ былъ такъ пре-исполненъ пороковъ, что, будучи учителемъ воздержанія, служилъ одинаково и жадности и чувственнымъ страстямъ; являясь въ школѣ проповѣдникомъ добродѣтели, превозносившимъ бережливость и бѣд-ность, онъ въ жизни былъ такъ расточителенъ, что, бывая во дворцѣ, обѣдалъ тамъ хуже, чѣмъ у себя дома. Впрочемъ, пороки свои прикрывалъ онъ бородой и плащомъ философскимъ, да еще богатствомъ, которое для этого наиболѣе пригодно; чтобы приумно-жить свое имущество, онъ удивительными происками добивался дружбы судей и заставлялъ ихъ довѣрять ему авторитетомъ ложно носямаго имъ имени (философа), чтобы, между тѣмъ, не только тор-говать ихъ рѣшеніями, но и сосѣдей своихъ, которыхъ онъ про-гонялъ съ занимаемыхъ имъ мѣстъ и полей, этимъ своимъ влія-ніемъ не допустить до исковъ о возвращеніи ихъ собственности. Этотъ же чело-вѣкъ, опровергавшій свои разсужденія собственнымъ поведеніемъ или обличавшій свои нравы собственными разсужденіями, строгій судья самого себя и суровый обвинитель, въ то самое время, когда праведный народъ безбожно былъ терзаемъ, изрыгнувъ три книги противъ религіи христіанской и христіанъ. Онъ прежде всего заявилъ, что обязанность философа помогать людямъ въ ихъ заблужденіяхъ и возвращать ихъ на истинный путь, т. е. къ по-читанію боговъ, которые, по его словамъ, своею силою и могуще-ствомъ правятъ міромъ, и не допускать, чтобы люди неопытные увлекались чьими либо обманами, при чемъ ихъ простотою восполь-зовались бы и ее эксплуатировали бы хитрые люди. Итакъ, онъ взялъ-де на себя этотъ достойный философа трудъ — открыть не-видящимъ свѣтъ мудрости, чтобы они не только опять стали здоровы (духомъ), возвратившись къ чтенію боговъ, но избѣжали и тѣлесныхъ мученій, оставивъ упрямое непокорство, и не предпочи-тали напрасно терпѣть жестокія мученія тѣла. А чтобы видно было,

ради чего трудился онъ надъ этимъ дѣломъ, онъ разсыпался въ похвалахъ государямъ: ихъ-де благочестіе и дальновидность, какъ по крайней мѣрѣ говорилъ онъ самъ, блестяще открылись особенно въ защитѣ культа боговъ, какъ и во всемъ прочемъ; они, наконецъ, позаботились объ интересахъ людей, чтобы, съ прекращеніемъ нечестиваго и вздорнаго суевѣрія, всѣ люди совершали законныя священнодѣйствія и на опытѣ узнавали о благоволеніи къ нимъ боговъ. Когда же онъ захотѣлъ ослабить основанія той религіи, противъ которой говорилъ, то оказался человѣкомъ глупымъ, пустымъ, смѣшнымъ, потому что этотъ важный совѣтодатель, радѣвшій о чужой пользѣ, не зналъ не только того, на что онъ нападалъ, но и того, что говорилъ. Наши, бывшіе свидѣтелями этого, хотя по обстоятельствамъ времени молчали, однако въ душѣ смѣялись, видя что этотъ человѣкъ намѣренъ просвѣщать другихъ, самъ будучи слѣпъ, — намѣренъ отвлечь ихъ отъ заблужденія, самъ не зная, гдѣ поставить свои ноги, — намѣренъ обратить другихъ къ истинѣ, тогда какъ самъ никогда не видалъ и искры ея, потому что, будучи (официально) учителемъ мудрости, онъ (въ дѣйствительности) усиливался ниспровергнуть ее. Всѣ же винили его за то, что онъ приступилъ къ этому труду въ то именно время, когда неистовствовала отвратительная жестокость. О, лстецъ, рабъ времени! Но онъ преданъ презрѣнію, какъ того и заслуживалъ за свою суетность; онъ не добился и милости, на которую рассчитывалъ, и слава, которой онъ домогался, обратилась для него въ вину и укоръ.

„Другой писалъ о томъ же предметѣ съ большею ѣдкостью. Онъ былъ изъ числа судей и онъ по преимуществу былъ виновенъ въ начатомъ гоненіи. Недовольный этимъ злодѣяніемъ, онъ также преслѣдовалъ и своими сочиненіями тѣхъ, кого угнеталъ. Сочинилъ онъ двѣ книжки, не противъ христіанъ, чтобы не показалось, что онъ враждебно преслѣдуетъ ихъ, но къ христіанамъ, чтобы его считали человѣкомъ, который даетъ имъ гуманные и доброжелательные совѣты. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ пытался доказать живость священнаго Писанія, представляя его въ такомъ видѣ, какъ

будто оно всецѣло состоитъ изъ противорѣчій. Онъ изложилъ нѣсколько главъ, въ которыхъ оказывалось, по нему, внутреннее противорѣчье, и онъ привелъ при этомъ такъ много не всѣхъ открытых пунктовъ христіанскаго ученія, что казалось, какъ будто самъ онъ нѣкогда принадлежалъ къ исповѣдникамъ того же ученія. Если же онъ дѣйствительно былъ христіаниномъ, то какой Димосеенъ могъ предохранить его отъ нечестія, его, измѣнившаго и религіи, къ которой онъ присоединился, и вѣрѣ, отъ которой получилъ свое имя, и тайнству, которое онъ принялъ? Въ противномъ случаѣ придется допустить, что въ его руки случайно попали книги свящ. Писанія. Какъ же, значить, былъ онъ безразсуденъ, дерзая разрушать то, чего никто не растолковалъ ему¹⁾.

Эти противники христіанства старались пропагандировать свои мысли не только чисто литературнымъ путемъ, но и посредствомъ публичныхъ чтеній. На чтеніяхъ присутствовали въ качествѣ слушателей, — конечно, безмолвныхъ, по обстоятельствамъ времени, — и христіане²⁾, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Лактанцій³⁾.

Сочиненія этихъ противниковъ христіанства требовали опровер-

¹⁾ Div. Inst. V, 2, 2—16 (M. VI, 552B—556A). О томъ, кто именно были или могли быть эти противники христіанъ и христіанской вѣры, будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ по другому поводу. Сводъ нѣкоторыхъ мнѣній по этому предмету даетъ Бертольдъ на стр. 9 своей брошюры. Брандтъ въ своемъ изслѣдованіи Ueber die Entstehungsverhältnisse d. Prosaschriften d. L., стр. 11 отдѣльнаго оттиска, замѣчаетъ объ этихъ лицахъ слѣдующее: Während der Verfolgung der Christen erhoben sich zwei litterarische Bekämpfer des Christenthums, der eine ein Lehrer der Philosophie, unbekannten Namens (jedenfalls nicht Porphyrius, was Baronius, Annal. eccles. II, 853 ed. Pagius glaubte, Holstenius aber, De vita et scriptis Porphyrii [1630], p. 89, widerlegt hat), der andere, qui erat tum e numero iudicum et qui auctor in primis faciendae persecutionis fuit (D. Inst. V, 2, 12), ohne Frage derselbe, den wir mit fast denselben Worten de mort. pers. 16,4 erwähnt finden.

²⁾ D. Inst. V, 2, 9 (M. VI, 554B).

³⁾ D. Inst. V, 4, 1 (M. VI, 562A). См. объ этомъ Brandt, Ueb. d. L. d. L., 29, Anm. 1.

женія, которое Лактанцій и рѣшился представить. При этомъ ему хотѣлось однимъ ударомъ заставить замолчать не только упомянутыхъ поверхностныхъ антагонистовъ христіанства, но и всѣхъ вообще противниковъ христіанства ¹⁾, и это желаніе было у него тѣмъ сильнѣе, что существовавшая дотолѣ апологетическая и полемическая противъ язычества литература у христіанъ казалась Лактанцію неудовлетворительною. Вотъ его собственный отзывъ объ этой литературѣ. „Мудрость и истина (христіанская) нуждаются въ пригодныхъ провозвѣстникахъ, и если случалось, что нѣкоторые изъ образованныхъ людей посвящали себя ей, то они не были способны защитить ее. Изъ числа защитниковъ христіанства, которыхъ я знаю, Минуцій Феликсъ пользовался извѣстностью среди адвокатовъ. Книга его, подъ заглавіемъ: „Октавій“, показываетъ, какимъ подходящимъ защитникомъ истины онъ могъ бы быть, если бы всецѣло отдался этому дѣлу. И Септимій Тертулліанъ былъ свѣдущъ во всѣхъ отрасляхъ литературы; но слогъ его былъ тяжелъ, не изященъ и очень теменъ. Поэтому и онъ не приобрѣлъ достаточной извѣстности. Такимъ образомъ выдвинулся изъ ряда другихъ и получилъ извѣстность одинъ Кипріанъ, такъ какъ онъ достигъ большой славы своею профессіею оратора и написалъ очень много сочиненій, въ своемъ родѣ достойныхъ удивленія. Онъ обладалъ даромъ изложенія легкаго, разнообразнаго, пріятнаго и (что составляетъ высшее достоинство рѣчи) яснаго, такъ что невозможно рѣшить, былъ ли онъ краснорѣчивѣе въ изложеніи своихъ мыслей, или счастливѣе въ ихъ раскрытіи, или сильнѣе въ доказательствахъ. Но людямъ, не вѣдущимъ тайны (христіанства), онъ могъ нравиться лишь внѣшнею формою изложенія, такъ какъ то, что говорилъ онъ, было таинственно и назначено было для однихъ вѣрныхъ. Наконецъ, и ученые вѣка сего, которымъ его сочиненія случайно сдѣлались извѣстны, обыкновенно смѣются надъ нимъ. Я слышалъ, какъ одинъ человекъ, несомнѣнно остроумный, переиhrивши одну литеру (въ его имени), называлъ его Коипріаномъ, какъ

¹⁾ D. Inst. V, 4, 1 (M. VI, 562A).

бы давая этимъ понять, что онъ обратилъ къ вздорнымъ баснямъ свой отличный умъ, годный для лучшаго употребленія. Если это случилось съ Кипріаномъ, который обладалъ пріятнымъ даромъ слова, то что же—нужно полагать—будетъ съ тѣми, рѣчь которыхъ суха и непривлекательна, которые не могли отличаться ни силой своихъ доказательствъ, ни тонкостью въ аргументаціи и рѣшительно никакимъ остроуміемъ въ опроверженіяхъ“¹⁾.

Нѣсколько дальше Лактанцій опять возвращается къ этимъ

¹⁾ Div. Inst. V, 1, 21—28 (M. VI, 551AB—552A). Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: почему Лактанцій не упоминаетъ Арнобія въ числѣ своихъ предшественниковъ по защитѣ христіанства? Нѣкоторые объясняли молчаніе Лактанція тѣмъ, что онъ въ эту пору еще не зналъ о появленіи апологетическаго труда Арнобія. Но, какъ справедливо возражаютъ на это, трудно предположить, чтобы Лактанцій не зналъ въ это время о вышедшемъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ сочиненіи человека, къ которому стоялъ близко (Brandt, Ueber d. L. d. L., 19). Конечно, прежняя близость между Арнобіемъ и Лактанціемъ еще не предполагаетъ *необходимо* сношеній между ними въ позднѣйшее время и особеннаго интереса со стороны Лактанція къ дѣятельности Арнобія, а равно появленіе сочиненія Арнобія въ Африкѣ еще не предполагаетъ *необходимо* его извѣстности и въ Малой Азіи, хотя послѣднее нужно признать весьма естественнымъ при тѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ находились христіанскія общины Малой Азіи и Африки (сравни замѣчаніе автора статьи въ Wiener Studien, XIII Jahrgang 1891, II Heft подъ заглавіемъ: Zu Tertullians auswärtigen Beziehungen, на стр. 231—232, слѣд. содержанія: Die letzteren (Christen) hatten sich seit Marcus Aurelius eine zusammenhängende Organisation gegeben, vermöge deren die Nachrichten von den Schicksalen in der einen Provinz sofort nach der anderen überliefert und hier Gegenstand der Discussion wurden. So wusste man in Africa, was in Cappadocien, in Phrygien, in Dacien, in Gallien, in Britannien vor sich gieng). Во всякомъ случаѣ болѣе вѣроятнымъ представляется выраженное еще Ле-Нурри и раздѣляемое Брандтомъ (Ueber d. L. d. L., 19) объясненіе молчанія Лактанція объ апологетическомъ трудѣ Арнобія его желаніемъ уклониться отъ критики сочиненія своего учителя, критики неизбѣжной и, разумѣется, неблагопріятной для Арнобія при тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявлялъ Лактанцій къ апологетическимъ произведеніямъ и съ точки зрѣнія которыхъ оцѣнивалъ онъ труды прежнихъ апологетовъ. Брандтъ, пользуясь отчасти указаніями прежнихъ изслѣдователей, находитъ у Лактанція слѣды прямого, по его мнѣнію, пользованія сочиненіемъ Арнобія. Впрочемъ эти слѣды едва ли можно назвать одинаково и вполне ясными, такъ какъ сходство въ отдѣльных, немногихъ словахъ еще ничего окончательно не доказываетъ, при существованіи ходячихъ

предшествовавшимъ ему апологетамъ. Тамъ, излагая задачу и предполагаемое общее содержаніе своего большого апологетико - полемическаго труда, онъ говоритъ: „Хотя Тертуліанъ полно изложилъ тотъ же самый предметъ въ книгѣ, называемой „Апологетикомъ“, однако такъ какъ одно дѣло—отвѣчать на обвиненія и состоитъ оно въ защитѣ или одномъ лишь отрицаніи, и другое дѣло—наставлять, что мы дѣлаемъ, при чемъ необходимо нужно раскрыть существенные пункты всего (христіанскаго) ученія,—то я не уклонился отъ этого труда, чтобы полнѣе изложить предметъ, котораго Кипріанъ вполне не обработалъ въ той рѣчи, въ которой онъ старается опровергнуть Деметріана, лающаго—по его выраженію—и кричащаго на истину: этимъ дѣломъ онъ занялся не такъ, какъ должно; ибо противника его слѣдовало опровергать не свидѣтельствами Писанія, которое тотъ считалъ, конечно, (свидѣтельствомъ) вздорнымъ, измышленнымъ, живымъ, но доказательствами и соображеніями отъ разума. Такъ какъ апологетъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, не вѣдающимъ истины, то, отложивши на нѣкоторое время божественное писаніе, онъ долженъ былъ начать свое наставленіе съ элементовъ, какъ поступаютъ, когда имѣютъ дѣло съ новичкомъ, и затѣмъ мало по малу показывать наставляемому начатки свѣта, чтобы тотъ не ослѣпъ, если бы на него упалъ полный свѣтъ. Ибо какъ дитя не можетъ усвоить твердой и крѣпкой пищи, по причинѣ нѣжности своего желудка, но питается молокомъ и мягкой пищею, пока, съ укрѣпленіемъ его силъ, для него не сдѣлается возможнымъ питаться пищею болѣе твердой; такъ и этому не вѣдущему, вслѣдствіе его неспособности воспринять божественныя свидѣтельства, слѣдовало сначала представить свидѣтельства человѣческія, т. е. свидѣтельства философовъ и историковъ, чтобы онъ былъ опровергнутъ по преимуществу своими свидѣте-

фразъ и выраженій. Кромѣ того Брандтъ замѣчаетъ: Was die Zahl von sieben Büchern bei Lactanz betrifft, so hat er sie vielleicht gewählt, um in stillschweigendem Protest sein Werk dem des Arnobius gegenüberzustellen (Brandt, l. c., 21). Выраженіе: «Protest» во всякомъ случаѣ весьма не подходящее въ данномъ случаѣ. Если даже Лактанцій и имѣлъ въ виду замѣнить своимъ трудомъ трудъ Арнобія, то все же о «протестѣ» здѣсь не можетъ быть рѣчи.

лями. Такъ какъ изложить этого не сдѣлать, увлеченный своей превосходной начитанностью въ священномъ Писаніи, и удовольствоваться тѣмъ однимъ, на чемъ основывается вѣра (христіанская), то я, по внушенію Божію (*Deo inspirante*), предпринялъ восполнить это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прочимъ указать путь для подражанія“. „И если бы, прибавляетъ Лактанцій, ученые и краснорѣчивые мужи, согласно моимъ увѣщаніямъ, начали обращаться къ этому занятію и предпочли приложить къ дѣлу свой умъ и свое краснорѣчіе на этомъ именно поприщѣ истины, то никто не усумнился бы, что ложныя религіи скоро исчезли бы и вся (человѣческая) философія пала бы“¹⁾.

Лактанцій нисколько не сомнѣвался въ томъ, что если бы его большой трудъ, въ которомъ доказывалось бытіе единого Создателя и Правителя всего безпредѣльнаго міра, попался на глаза кому либо изъ тѣхъ людей, которые, на взглядъ Лактанція, имѣютъ нелѣпныя религіозныя представленія и, вслѣдствіе крайняго суевѣрія своего, не могутъ сдерживать себя, то они съ бранью накинулись бы на это его сочиненіе и, едва можетъ быть прочитавши начало его, бросили бы его съ пренебреженіемъ и проклятіями, и думали бы, что если они терпѣливо прочитаютъ или прослушаютъ его, то запятнаютъ и свяжутъ себя неизгладимымъ преступленіемъ²⁾),—предположеніе, хорошо характеризующее тогдашнихъ язычниковъ, притомъ очевидно изъ образованнаго класса общества. Лактанцій обращался къ такимъ лицамъ съ просьбою—во имя простой гуманности не осуждать его прежде, чѣмъ узнаютъ все, что онъ имѣетъ сказать, хотя и на счетъ успѣха этой совершенно естественной и справедливой просьбы у него, повидимому, существовало нѣкоторое сомнѣніе³⁾). „Если, говорилъ онъ, святотатцамъ, предателямъ и отравителямъ дается возможность защищать себя и (если) никого нельзя напередъ осуждать, не узнавши дѣла, то, кажется, мы по справедливости можемъ требовать, чтобы тотъ, кому попадется на

¹⁾ D. Inst. V, 4, 3—8 (M. VI, 562B sqq.).

²⁾ D. Inst. V, 1, 1 (M. VI, 546D—547A).

³⁾ Срав. *ergo si fieri potest* въ V, 1, 2 (M. VI, col. 547A).

глаза это сочиненіе, прочитавши его, перечиталъ бы его потомъ, и прослушавши отложилъ бы окончательное сужденіе на возможно болѣе долгій срокъ“. Но Лактанцій не вѣрилъ въ исполнимость этого желанія. „Я, говоритъ онъ, знаю упорство людей; никогда мы этого не добьемся“ ¹⁾. Объясняя, далѣе, почему на его взглядъ, противники христіанства не удовлетворятъ указаннаго справедливаго его желанія, онъ, очевидно далекій отъ мысли, что чистая истина можетъ имѣть для кого бы то ни было изъ нихъ какое либо значеніе, говоритъ ²⁾: „они боятся, чтобы, въ случаѣ нашей побѣды надъ ними, не оказались они вынужденными сдаться, уступая голосу самой истины. Итакъ они шумятъ ³⁾ и прерываютъ насъ, чтобы не слушать, и закрываютъ глаза свои, чтобы не видѣть свѣта, который мы предлагаемъ имъ. Они показываютъ совершенное недовѣріе къ своему потерянному разуму, когда не осмѣливаются ни узнать (объясненій христіанъ), ни вступить въ бесѣду (съ христіанами): они знаютъ, что легко будутъ побѣждены. Такимъ образомъ, съ устраненіемъ споровъ, „мудрость изгоняется и все дѣлается силою“, какъ говоритъ Энній... Они боятся, что если выслушаютъ, то будутъ не въ состояніи осудить. И потому читателей Всевышняго Бога, т. е. праведныхъ, они мучатъ, убиваютъ, изгоняютъ. И сами они, питая такую сильную ненависть (къ христіанамъ), не могутъ указать причинъ своей ненависти; такъ какъ они сами заблуждаются, то гнѣваются на тѣхъ, кто идетъ по истинному пути, и, не смотря на то, что могли бы исправиться, они къ своимъ заблужденіямъ присоединяютъ еще множество жестокостей, обагрываютъ себя кровію невинныхъ жертвъ и исторгаютъ посвященныя Богу души изъ истерзанныхъ тѣлъ. Съ такими-то людьми готовимся мы теперь вступить въ борьбу и состязаніе,—тѣхъ готовимся мы привести отъ ихъ недѣльныхъ убѣжденій къ истинѣ, которые скорѣе будутъ пить кровь, чѣмъ слушать слова правед-

¹⁾ Ibid.

²⁾ V, 1, 3sq (col. 547A sqq. у Migne).

³⁾ Это и нижеслѣдующія замѣчанія Лактанція служатъ интереснымъ свидѣтельствомъ очевидца о томъ, какъ встрѣчали нѣкоторые язычники попытки христіанъ убѣдить ихъ въ истинности христіанства.

ныхъ“. „Что же?“—спрашиваетъ себя апологетъ ¹⁾. „Не потратимъ ли мы (свой) трудъ безъ пользы? Нисколько. Если мы не будемъ въ состояніи спасти ихъ отъ смерти, къ которой они съ чрезвычайной скоростью стремятся, и не въ силахъ будемъ возвратить ихъ къ жизни и свѣту съ ихъ ложнаго пути, такъ какъ они сами сопротивляются собственному спасенію,—то мы за то утвердимъ (въ вѣрѣ) своихъ, мысль которыхъ не устойчива и не утверждается на твердомъ и прочномъ основаніи. Колеблются очень многіе, и особенно тѣ, которые нѣсколько знакомы съ литературою. Философы, ораторы и поэты тѣмъ между прочимъ и вредны, что легко могутъ увлечь неосторожный умъ изящною рѣчью и пріятною гармоніею бѣгущихъ одинъ за другимъ стиховъ. Это—медъ, подъ которымъ скрывается ядъ... Притомъ, если даже это дѣло никому другому не принесетъ пользы, то оно, несомнѣнно, будетъ полезно для меня самого: совѣсть моя будетъ довольна, и умъ мой будетъ радъ вращаться въ свѣтлой области истины... Но не должно отчаиваться. Быть можетъ, „мы будемъ глѣть не для глухихъ“. Не такъ плохо положеніе дѣлъ, чтобы не было здравомыслящихъ людей, которые и истину любятъ и, если укажутъ имъ правильный путь, видятъ его и идутъ по нему. Нужно только покрыть края чаши (съ подносимой людямъ истиной) медомъ небесной мудрости, чтобы неразсудительные люди могли пить горькое лекарство безъ отвращенія... Потому что первая причина, по которой у мудрыхъ, и ученыхъ, и князей вѣка сего нѣтъ вѣры въ св. Писаніе, заключается въ томъ, что пророки говорили обыкновенною и простою рѣчью, какъ (говорятъ) съ народомъ. Поэтому и относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ тѣ, кто не желаетъ ни слышать, ни читать ни чего иного, кромѣ того, что изложено изящно и красно-рѣчиво, и у кого можетъ произвести вліяніе на душу только то, что ласкаетъ слухъ пріятными звуками. А то, что кажется неизящнымъ, признается вздорнымъ, нелѣпымъ, вульгарнымъ. Ничего не считаютъ истиннымъ, кромѣ того, что пріятно слышать,—ничего заслуживающимъ вѣры, за исключеніемъ того, что можетъ

¹⁾ D. Inst. V, 1, 9 sqq. (M., col. 549A sqq.).

доставить удовольствіе: никто не цѣнитъ вещей по ихъ истинной стоимости, но (цѣнитъ) по ихъ внѣшнимъ украшеніямъ. И такъ они не вѣрятъ божественному писанію, потому что это писаніе чуждо прикрасъ,—не вѣрятъ и его истолкователямъ, такъ какъ послѣдніе и сами совсѣмъ необразованные или несомнѣнно малоученные люди; потому что очень рѣдко бываетъ, чтобы они были дѣйствительно краснорѣчивы. Причина этого очевидна. Краснорѣчіе служить вѣку, желаетъ нравиться народу и угождать ему въ хуломъ,—очень часто пытается побороть истину, чтобы показать свою силу,—ищетъ богатствъ, желаетъ почестей, наконецъ добивается высшихъ степеней. И такъ все христіанское презираетъ, какъ нѣчто низкое; тайнъ христіанскихъ, какъ представляющихъ противоположность краснорѣчію, избѣгаетъ, потому что находитъ усладу въ публичности и ищетъ толпы и извѣстности. Оттого мудрость и истина христіанская лишена пригодныхъ защитниковъ, и если какіе изъ образованныхъ людей занимались ею, то они не въ состояніи были защитить ее“.

Самъ Лактанцій былъ, несомнѣнно, способенъ и обладалъ средствами выполнить взятую имъ на себя задачу. Кромѣ дара изящной, вполне литературной рѣчи, онъ владѣлъ широкими познаніями въ области греческой и латинской литературы какъ языческой, такъ отчасти и христіанской, и имѣлъ достаточныя для того времени свѣдѣнія въ разныхъ отрасляхъ знанія, которыхъ приходилось ему касаться. Отдался онъ своему дѣлу всей душой, почему и на сочиненія его нужно смотрѣть не только какъ на сочиненія, но и какъ на выраженіе непосредственнаго религіознаго чувства автора и его живой вѣры.

Внѣшнія обстоятельства, повидимому, не препятствовали Лактанцію заниматься литературными трудами, хотя онъ жилъ въ Никомидіи, исходномъ пунктѣ гоненія на христіанъ при Діоклетіанѣ. Не принадлежа къ тѣмъ христіанамъ, которые считали обязательнымъ для себя искать мученическаго вѣнца, хотя и признавая ихъ мужество, Лактанцій, подобно многимъ другимъ древнимъ христіанамъ, старался быть по возможности осторожнымъ въ своихъ словахъ и поступкахъ и вызывающимъ образомъ дѣйствій не на-

влекать на себя безъ нужды гнѣва всемогущихъ враговъ христіанства. Благодаря такому своему поведенію, для котораго имѣлись у него принципиальныя основанія, Лактанцій остался цѣль ¹⁾ и имѣлъ возможность литературнымъ путемъ оказать большое содѣйствіе ниспроверженію язычества и торжеству христіанства.

А. С — въ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Обстоятельное и основательное раскрытіе этой мысли представилъ Брандтъ въ брошюрѣ Ueber d. L. d. L., 27—30. Срав. его же Ueber die Entstehungsverhältnisse Prosaschriften des Lactantius, 20.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки